

Ричард и Лёша

Детство Ричарда было счастливым. Толстенького щенка купили на птичьем рынке. Бабушка дотошно выпрашивала у веселого продавца подробности собачьей родословной, а маленький внук бережно прижимал живую попку к тощему животу и заглядывал в смысленные щенячьи глаза.

Не знаю, какую породу назвал бабушке лукавый продавец, но явно не ту, к которой действительно принадлежал пёсик. Ибо по мере его взросления стало понятно, что он – типичный представитель самой честной дворянской породы. Ринго – таким было первое имя Ричарда - вырос в пса среднего размера, средней (серо-коричневой) окраски, средней шерстистости. Одно ухо у Ринго смотрело вверх, другое висело, что придавало ему, в зависимости от жизненных обстоятельств, то задорно-хулиганистый, то виновато-несчастный вид.

Характер у Ринго был покладистый и неškodливый. Он любил маленького хозяина, но всё же отдавал предпочтение строгой бабушке, так как именно она всех кормила. А вкусно поесть – это ведь самое главное в жизни, кто бы спорил?

Лёша был единственным сыном в простой работающей семье. Впрочем, слово «простой» могло бы задеть Лёшиных родителей, которые, не будучи обремененными образованием, имели прочное жизненное положение. Оба работали в горисполкоме: мать – поваром в столовой, а отец и вовсе персональным водителем большого начальника. Комнату получили в исполкомовском кирпичном доме, и жизнь была бы полной чашей, если бы не долгая бездетность. Поженившись в восемнадцать, они больше десяти лет

ждали появления первенца. Родилась девочка, счастью не было границ, но в два годика малышка заболела скарлатиной и «сгорела» за три дня.

Когда лет через пять после смерти дочки родился сын, Алексей, мать пылинки с него была готова сдувать. Да так и сдувала, почитай, всю оставшуюся жизнь. Лучший кусочек (а их при работе в исполкомовской столовой случалось немало) – Лёше, лучшие садики, потом – лагеря, да и школа непростая, а английская.

Вряд ли стоит удивляться, что Лёша рос избалованным до невозможности. Неприятности начались еще в садике, а в школе матери только и приходилось улаживать постоянно возникающие проблемы. Но главной заботой, требующих непрестанных усилий, было скрыть все сыночкины закидоны от отца. Тот, конечно, очень любил сына, но суровая крестьянская закваска подсказывала ему, что лучший рецепт для воспитания настоящего мужика – добротный кожаный ремень. Однако усилиями любящей матери до ремня дело так ни разу и не дошло.

Первый раз Лёша пришел домой пьяным в двенадцать лет. К счастью (к счастью ли?) отца дома не оказалось. К пятнадцати годам алкоголь стал постоянным спутником Лёшиной жизни. И раньше не отличавшийся ни способностями, ни усердием, к восьмому классу он превратился в кошмар для учителей, мечтавших лишь об одном - поскорее от него избавиться. При этом Лёшу нельзя было назвать злостным хулиганом – для этого у парня не хватало характера. Он безвольно следовал за более авторитетными сверстниками: нальют – выпьет, позовут – пойдет. Впрочем, на какие-то серьезные дела, в перспективе ведущие в колонию, его и не звали – в силу туповатости мог подвести «под монастырь».

Теперь уже мать не в силах была скрывать от отца результаты своего воспитания. Тот сначала бушевал, пробовал что-то сделать, но быстро понял,

что все усилия тщетны, и опустил руки. Других проблем хватало: накатили девяностые, начальник потерял место, а новый привел своего персонального водителя. Поиски работы и выживание заслоняли проблемы с непутевым сыном.

Ринго уютно жилось с бабушкой и внуком. Но через полгода на голову свалились новые члены семьи. Оказывается, мать и отец мальчика работали и жили за границей. Приехав в отпуск, они внесли сумятицу в размеренный быт семьи. Бабушкиному сыну, отцу мальчика, спокойному и молчаливому, Ринго понравился, но его жена, крикливая и несдержанная, с первого взгляда невзлюбила «дворнягу». Да и любила ли она хоть кого-то? Ринго на этот вопрос ответил бы отрицательно: шумные поцелуи и крепкие объятия, даримые сыну, не могли обмануть чуткое собачье сердце. И пёс был рад, когда отпуск у гостей закончился и квартира опустела.

Прошел еще год. Заграничные гости появились опять. Но теперь они вели себя уже не как гости, а как хозяева. Срок командировки подходил к концу. Заработанных денег не хватало на покупку присмотренной большой квартиры в элитном доме, но, если продать старую трёшку... В общем, решили так: старую квартиру продать, вложить деньги в приобретение новой квартиры в недостроенном пока доме. Молодые хозяева, забрав сына, доработают свой срок за границей. А бабушка поживет у родственников в Белоруссии.

А Ринго? Куда денется Ринго? Этот вопрос мучил бабушку и внука, но не вызвал ни малейшего раздумья у невестки. Оказывается, её близкие друзья жили за городом, в большом новом доме и просто мечтали о такой собаке, как Ринго!

К двадцати пяти годам Алексей превратился в законченного алкоголика с психическими проблемами. Упасть на самое дно и погибнуть ему мешала только мать. Она уже не работала и из последних сил «пасла» сына. Алёша каждый день выпрашивал или отнимал у матери деньги, напивался, а потом целый день торчал у подъезда, приставая к прохожим с пьяными разговорами. Соседи из ближайших домов давно привыкли к нему и проходили мимо с безгловыми лицами, чужие, особенно женщины, пугались и шарахались в сторону, а некоторые молодые мужики и подростки норовили пристукнуть надоедливому алкаша. Вот тут мать и подключалась –высовывалась из окна или выбегала из подъезда и урезонивала возмущенных прохожих.

Раза два в год матери удавалось добиться госпитализации для сына. Из больницы тот выходил присмирившим, с притупленными реакциями, но через несколько дней снова занимал свой пост у подъезда. Деньги жене и сыну-забудыге два раза в месяц привозил отец: несмотря на возраст, он устроился работать на даче у какого-то олигарха сторожем и разнорабочим.

Ни бабушка, ни внук не смогли удержать слёз, прощаясь с Ринго. Бабушка упаковала его миски и игрушки, чтобы пёс не скучал в новом доме. Невестка решительно прервала затянувшееся прощание, посадила Ринго в машину и приказала мужу ехать. Ехали долго, Ринго даже слегка укачало. Наконец, остановились. Дверь раскрылась, обрадованный пёс выскочил наружу. Но никакого загородного дома он не увидел. Машина стояла в обычном московском дворе, только дома вокруг были не панельными, как в привычном Ринго Выхино, а кирпичные. Пёс в удивлении оглянулся и еле

успел отскочить в сторону: машина лихо сорвалась с места и исчезла за углом дома.

Сначала Ринго решил, что это какое-то недоразумение или злая шутка. До вечера он сидел на том самом месте, где его высадили из машины, и ждал. Похолодало, нудный осенний дождик сменился мокрым снегом. Ринго дрожал и плакал, но никто не видел собачьих слез.

Три дня он провел на улице, три дня не ел. Его недлинная шерсть свалилась и испачкалась, морда вытянулась от худобы, ухо висело как никогда безнадежно. Ринго за эти дни видел много собак и еще больше людей. Но люди были чужими, да и с собаками не возникало желания познакомиться поближе. Домашние пуделя, йорки и овчарки смотрели на бездомного прибуду свысока, а здоровенный грязные уличные псы рычали, предвидя в Ринго конкурента за место под солнцем. Лишь однажды брошенный заметил отголосок доброжелательности в облезлой мелкой собачонке, рыскавшей в помойке. При виде незнакомца та замахала хвостом, как бы приглашая разделить поиски еды. Но воспитанному в приличной семье Ринго было стыдно и противно копаться в зловонных отбросах.

Прошло еще два дня, и Ринго пришлось забыть о хорошем воспитании. Ослабев от голода, он приковылял к помойке и ухватил какую-то полутухлую сосиску. И тут пёс услышал голос:

- Ох, бедолага, так и не нашел свой дом! Значит, не потерялся, значит, выкинули. Эй, как тебя звать? Пойдем, покормлю!

Пожилая женщина говорила тихим голосом, а манерой поведения походила на бабушку. И Ринго пошел за ней. Идти пришлось недалеко – женщина, нажав загадочные кнопки, открыла дверь в подъезд. Ринго

нерешительно последовал за ней. Это был самый важный и самый правильный шаг в его собачьей жизни.

В тот день Ринго стал Ричардом. Женщина долго пыталась угадать, как звали найденыша в прошлой жизни, и заметила его реакцию на кличку «Ричард». «Значит, будешь Ричардом Львиное Сердце!» - сказала женщина. И Ричард стал королем. Королевство у него было небольшое – три двора, с десяток домов. Королевской резиденцией отныне стал подъезд доброй женщины. Взять Ричарда в своё жилище она не могла – в небольшой двухкомнатной квартирке обитала сама жена, её дочь с зятем и тремя детьми и старый пёс Табол.

Но Ричард и не претендовал на квадратные метры в квартире – его вполне устраивал тёплый просторный подъезд. Большинство жильцов полюбили пса, выражая свою любовь разнообразными съедобными подарками. Скоро Ричард забыл, как голодал, и даже позволял себе привередничать. Мужчины, смеясь, иногда упрекали жён, что они их не кормят так вкусно и разнообразно, как кормят жильцы подъезда своего хвостатого любимца. И правда: в уголке, где жил Ричард, в мисочках и на тарелочках было разложено несколько сортов мяса, колбасы и собачьего корма. Особо сердобольная старушка с третьего этажа, заметив, что Ричард мало ест (по её мнению), придумала, как накормить бедняжку. Она стала кидать ему еду, а избалованный подъездный король с удовольствием ловил кусочки налету.

Но пёс не только развлекался. День Ричарда начинался с обхода владений. Обычно из подъезда его выпускал дядька с последнего этажа, рабочий день которого начинался в семь утра. Ричард обегал все свои дворы, здоровался с дворниками, следил за порядком. Иногда он навещал новых друзей – таких же прикормленных дворовых собак на соседних территориях.

Потом наступало время выгула домашних собак. Ричард встречал каждую, деловито обнюхивал, а с самым близким другом – Таболом немного играл. Собачники нередко выносили ему какие-либо деликатесы, Ричард принимал их с благородным достоинством.

Потом пёс провожал людей на работу. Если мимо дома шли незнакомые подозрительные личности, он заливался пронзительным лаем. В середине дня в хорошую погоду детскую площадку во дворе заполняли мамы с ребятишками. Ричард особенно любил гулять с семьей той самой женщины, что когда-то дала ему новое имя. Пёс чувствовал огромную ответственность за безопасность «своих» детей и бдительно следил за тем, чтобы их никто не обидел.

Иногда случались неприятности: во владения забегали страшные дикие псы с ближайшей стройки. Ричард вел себя не столько мужественно, сколько мудро: забравшись куда-нибудь в надежное место, он начинал оттуда облаивать, повизгивая, чужаков. Те, конечно, огрызались, пытались достать Ричарда, он визжал еще громче, пока кто-то из знакомых людей не приходил на помощь и не прогонял пришельцев. Тогда Ричард выскакивал и победно, в полный голос, забыв про трусливое повизгивание, лаял им вслед.

Больше всего пёс не любил пьяных. На них он кидался, словно собираясь разорвать на части, и истошно лаял до тех пор, пока они не уходили с охраняемой территории. Так было со всеми пьяными, кроме одного. В подъезде-резиденции Ричарда жил Лёша. Обычно он появлялся у подъезда тогда, когда пёс возвращался после утреннего обхода. Лёша никогда не кормил Ричарда, но никогда не обижал его. И Ричард не лаял на Лёшу. Такой вот был у них нейтралитет.

Зимой темнеет рано. В тот день Ричард гостил у знакомой собаки из соседнего двора и вернулся около пяти. Мама с детьми уже давно ушли с

площадки, работающие еще не доехали до дома, лишь редкие случайные прохожие спешили к метро. Ричард бойко оббежал свой двор и завернул к подъезду. И тут он увидел, что в стороне, под кустом, лежит Лёша. Ричард очень удивился – Лёша, хоть и напивался, но всегда держался на ногах. Пёс с надеждой посмотрел на окно второго этажа, откуда Лёшина мать обычно осуществляла контроль над сыном. Но никто не выглядывал в окно. С опаской и оглядкой Ричард приблизился к Лёше. Шапка скатилась с головы у лежащего, на снег стекала кровь. Пёс сел рядом и завыл так, как когда-то выли его серые предки.

Как потом выяснилось, Лёша пристал к трём чужим парням. То ли те сами были пьяны, то ли просто жестоки, но они вырвали у Лёши из рук бутылку вина и ударили его по голове. Именно в этот момент Лёшина мать посмотрела в окно. Увидев рухнувшего от удара сына, она рванулась было на помощь, но исстрадавшееся сердце подвело – остановилось. А Лёшу спасли. Ричард спас. Он так отчаянно выл, что кто-то из соседей заподозрил неладное, выскочил на улицу и вызвал скорую.

После похорон Лёшиной матери отец вернулся в город, к выписавшемуся из больницы сыну. Лёша, конечно, по-прежнему пьет и торчит у подъезда, распугивая прохожих. Сейчас, когда я пишу эти строки, я слышу пьяное Лёшино бормотание и весёлый лай Ричарда на детской площадке.